

Карачина О. Е.

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС В МЕТАФОРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-1/21.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. I. С. 58-61. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Результаты статистического анализа 500 научных текстов (средний объём каждого текста 3500 знаков) по специальностям «Информационные системы и технологии» и «Электроника» показали, что:

- существительные и сокращения, заимствованные из английского языка и использованные в немецком научном тексте, составляют преобладающее большинство - 94%;

- лишь 6% заимствований приходится на глаголы;

- в каждом из текстов фиксируется от 8 до 26 английских лексических единиц.

/14/ Durch die Sprach-Musikunterscheidung eignet sich die Technologie darüber hinaus zur vollautomatisierten Broadcast - Protokollierung.

/Заимствование выполняет функцию определяющей части в сопряжённом существительном/.

/15/ Die *AudioID* - Technologie ist Teil des etablierten *MPEG-7 Standards* und stammt aus den Laboren der MP3-Erfinder. „Unser Angebot richtet sich an die Musikindustrie. Musikportale aber auch Suchmaschinen wie Google können mit *AudioID* ihre Suchkriterien um semantische Attribute erweitern“, erklärt GLATSCHE. Außerdem können Gerätehersteller die *Software* in *MP3-Player*, *Handys*, *Home-Entertainment*produkte oder Autoradios integrieren. Bis Ende des Jahres will GLATSCHE die Entwicklungsabteilung des jungen *Spin-offs*, an dem die Fraunhofer-Gesellschaft beteiligt ist, mit weiteren Mitarbeitern besetzen. Die Zusammenarbeit mit dem IDMT ist durch mehrjährige Kooperationsaufträge gesichert. /Чтение данного текста предполагает наличие у читателя - получателя информации - определённого опыта обращения к специальной литературе /.

Организация системы выражает себя отношением элементов: фиксированностью различий в элементах, индивидуальностью и постоянством их свойств, соответствием элементов друг другу. Это и есть отношение системы, представляющее её статический аспект. За отношением системы лежит связь элементов. На глубинном уровне за статикой открывается динамика: взаимодействие элементов, их внутреннее движение. В результате внутреннего движения возникает взаимозависимое изменение свойств элементов.

Список использованной литературы

1. Аверьянов А. Н. Системное познание мира. - М., 1985.
2. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. - М., 1973.
3. Давыдов В. В. Проблемы развивающего обучения. - М.: Педагогика, 1986.
4. Кузьмин В. П. Гносеологические проблемы системного знания. - М.: Знание, 1983.
5. Новик И. Б. Системный стиль мышления. - М.: Знание, 1986.
6. Пройдаков Э. М., Теплицкий Л. А. Англо-русский толковый словарь по вычислительной технике, Интернету и программированию. - М., 2004.
7. Пумпянский А. Л. Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык. - М.: Издательство «Наука», 1981.
8. Решетова З. А. Психологические основы профессионального обучения. - М.: МГУ, 1985.
9. Садовский В. Н. Основы общей теории систем. - М., 1974.
10. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). - СПб: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «Филология Три», 2002. - 416 с.
11. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. - М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1973.
12. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. - М., 1978.
13. *Fraunhofer-Magazin*. - 2000 - 2005. - № 1-4; 2006. - № 1.

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС В МЕТАФОРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Карачина О. Е.

Российский государственный социальный университет

Любые изменения, происходящие в мироустройстве, требуют немедленного осмысления и языковой объективации нового эмпирического опыта. В результате приводится в действие номинативный механизм речевой деятельности, продуцирующий как совершенно новые языковые единицы, так и словообразования, мотивированные внутриязыковыми факторами (языковой экономией, варьированием номинаций с разной внутренней формой, потребностями эмоциональной выразительности и т.п.). В основе всех видов номинаций лежит ассоциативный характер человеческого мышления, при котором «два неких образа, представления, концепта, объекта и т.д. приводятся в связь друг с другом, соплагаются, причем так, что одно, из них выступает как известное, отправное, знакомое, старое, а другое - характеризующее, описывающее, определяющее» [Кубрякова 2008: 115]. Именно подобная трактовка номинативного процесса объясняет ставшее расхожим суждение о том, что все мы мыслим образами, или метафорами. В данном случае метафора трактуется в широком значении как «любой способ косвенного выражения мысли» [Арутюнова 1990: 296]. Сравним с трактовкой метафоры Дж. Лакоффа - пионера когнитивного подхода к анализу метафоры:

“In short, the locus of metaphor is not in language at all, but in the way we conceptualize one mental domain in terms of another. The general theory of metaphor is given by characterizing such cross-domain mappings. And in process, everyday abstract concepts like time, change, causation, and purpose also turn out to be metaphorical” [Lakoff 1993: 203].

Изучение пласта новой лексики, порожденной глобальным финансовым кризисом, позволило нам сделать интереснейшие наблюдения о характере метафорических переосмыслений и когнитивных процессах,

лежащих в их основе [Карачина 2008: 62-67]. Один из ключевых выводов исследования полностью поддерживает мнение, что «рождение метафоры связано с концептуальной системой носителей языка, с реально существующей и вербализованной средствами языка системой оценок данного языкового коллектива» [Тарханова 2003: 86].

В рамках данной статьи мы обратимся не столько к номинативной, сколько к характеризующей функции метафоры. Использую предложенную А. П. Чудиновым методологическую схему когнитивного анализа метафоры [Чудинов 2003], рассмотрим наиболее часто актуализируемые метафорические модели поля «Финансовый кризис».

Начнем с того, что все именованья кризиса построены посредством метафорического переосмысления: *meltdown* (природоморфная метафора), *catastrophe*, *debacle*, *turmoil*, “*unprecedented turbulence*”, “*one of the world’s greatest upheavals*” и даже *carnage* (социоморфные метафоры). Последнее выражение, появившееся относительно недавно, характеризуется особенно выраженной эмотивной окраской, которая ей «передается по наследству» от исходного понятия (*carnage* - резня, бойня, массовое убийство людей или животных). Интересна «метафорическая» история ставшего экономическим термином выражения *credit crunch* (разрушение системы кредитования). Ономотопозитическое существительное *crunch* со временем приобрело переосмысленное значение «решающий момент». Так что для термина *credit crunch* исходными стали два фрейма: 1) ломка, хруст и 2) важный исторический момент. Любопытно, что в восприятии носителей языка этот термин сохраняет «хрустящие» ассоциации. Например, профессор социологии Кентского университета Frank Furedi так описал свою реакцию, когда впервые услышал это выражение:

“When I first heard the term “credit crunch”, it sounded like the brand name for a new product. I was half expecting a voiceover to announce that it is chocolaty on the outside and crunchy on the inside” [Furedi 2008].

Анализ отобранных из СМИ-источников метафор, описывающих различные проявления финансового кризиса, позволил выделить ряд моделей. Остановимся на наиболее продуктивных.

Модель «Кризис - это разрушение»

Эта модель в значительной степени представлена антропоморфными метафорами, актуализирующими фреймы «Человек и его самочувствие», «Анатомия и физиология человека», «Моторика человека», «Болезнь человека и ее лечение»:

“The sober Reuters wire service wrote on Friday of investors being “castrated””.

“There is a terrific *chronic disease* moving from one country to another and from one company to another”.

Финансовая и банковская система характеризуются как “*cash-starved*”, “*crippled*”, “*paralyzed*”, “*staggering under the weight of Wall-Street manufactured debt*”, а действия на фондовом рынке описываются как “*convulsions*”, “*gyrations*”. Банкротство компаний вербализуется устойчивой моделью «смерть человека» или «падение»:

“Lehman’s *demise* is being felt around the world”.

“Bear Sterns was the first to *hit the deck*”.

Таким образом, у аудитории складывается устойчивое представление о кризисе как об агонизирующем организме, нуждающемся в срочной помощи:

“Australian banks’ offshore borrowing was seen as a bold step to *inject* some stability and more importantly confidence into the sector at a time when panic was rife”.

Также многие финансовые термины, ставшие «героями дня», построены на антропоцентричных ассоциациях, например: *liar loan* - ссуда, которая выдается без требования документов подтверждающих платежеспособность клиента, *naked short selling* - вид «короткой» продажи, при которой у трейдера нет обеспечения соответствующими ценными бумагами, которыми он торгует (признана как незаконная практика).

Также распространены природоморфные метафоры, сравнивающие кризис со стихийным бедствием, его последствиями или какими-либо природными явлениями:

“Defaults on subprime mortgages in US cities like Detroit and Memphis could unleash a *fiscal tsunami* that spans the planet”.

“Of course, the good news is that history shows that eventually *the storm* - like all others before - will come to an end”.

“And as the current *turmoil* *mutates* into ever-more *virulent forms*, it is faith - or, rather the lack of it - that has turned a subprime squall into a what is arguably the worst financial crisis in 80 years”.

“Bonuses are also set to become a *toxic* political issue just as they proved a *toxic* financial issue”.

В последнем примере метафора *toxic financial issue*, построенная на подобие разрушительного воздействия ядовитого вещества на человека и подобного рода финансовых инструментов на кредитный рынок, становится участницей двойной игры слов: в первом случае актуализируется два значения слова *toxic* - терминологически метафорическое в *toxic financial issue* «обеспеченный рискованными финансовыми документами займ, который вряд ли будет выплачен», и чисто метафорическое «болезненный» в *toxic financial issue*; и во втором случае актуализируются два значения слова *issue* - терминологическое «выпуск ценных бумаг» и общелитературное «вопрос/ проблема».

В следующих примерах метафоры строятся на основе подобия с теми или иными общественными явлениями и представлениями (социоморфные метафоры):

“Other solution - globalization, technology-enabled development of new goods and services ...finally *auto-cannibalism* have similarly run their course”.

“Mining companies were also among the biggest *casualties* of last weeks”.

Не редки случаи сравнения кризиса с образом чудовища. Такие метафоры призваны выполнять особенно выраженную эмотивную функцию, и как видно в нижеприведенном примере этому способствуют апелляция к уже сформированным конкретным образам:

“The sense that humanity is instead grappling with a *monster - a marauding Godzilla leaping* from Tokyo to London, then Wall Street, in single bound - is compounded by the apparent failure of both national and international rescue attempts”.

Модель «Кризис - это изменение общественного и индивидуального поведения и восприятия»

Эта модель также часто апеллирует к антропоморфным ассоциациям:

Stepping out of the road to avoid a truck hurtling in your direction seems a good idea.

В данном случае фрейм «Поведение на дороге» включен в сценарий «если будешь стоять на дороге, потеряешь жизнь». Этот сценарий становится когнитивной базой для наложения фрейма «Распоряжение своими средствами» и соответствующего сценария «нужно отзывать свои средства, пока не потерял оставшееся». Источник и реципиент в данном случае объединены одним смыслом «опасно и неразумно противостоять тому, чему противостоят не в силах».

Весьма яркие и точные образы создают природоморфные метафоры:

We're *hoarding* gold as never before.

Накладывание исходного понятия *hoard*, характеризующего действия животного запасующего пищу, привносит в принимающую среду стойкие ассоциации именно с поведением животного в этот момент - быстрыми, суетливыми и хаотичными (на наш взгляд). Именно эти признаки исходного понятия мотивируют метафору для описания поведения людей в период кризиса. Схожие когнитивные связи обнаруживаются в образном, слегка ироничном выражении *stampede for cash*, описывающим хаотичное, суетливое поведение людей, выстраивающихся в очереди в банк, чтобы немедленно забрать свои деньги, опасаясь его банкротства.

Модель «Кризис - это беспорядок»

В период кризиса на обывателей обрушились потоки специализированной информации, создавая в их головах хаос. Поэтому СМИ-источники в срочном порядке взялись по возможности доступно разъяснять суть основных финансовых инструментов и процессов. Но общее ощущение непонимания и вызванного им раздражения передается в многочисленных метафорах:

“Listening to the *animal language* of the trading pit, it is easy to forget that securities trading is just a mathematical invention...”

“However, in last decade, various kinds of non-banking lending skirted the margin reserve requirement through the *alphabet soup* of financial instrument you've been hearing about in the news” [*alphabet soup* - артефактная метафора, означающая текст насыщенный акронимами и аббревиатурой].

Модель «Антикризисные действия политиков и отношение к ним»

В этой группе метафоры несут выраженную аргументативную и номинативно-оценочную функции, но не редко отличаются эмотивной окрашенностью. В нижеприведенном примере использование фрейма «Сказка» и известного сценария («герой спасает жертву из заточенья»), ядром которого является значение «благородный поступок», при соположении с фреймом «Действия политиков» и реальным сценарием («проблема - действия - результат») продуцирует выраженный иронический эффект:

“Now that the federal government had agreed to *ride in on the white horse, slay the dragon* of bad debt, and *rescue us all from the perilous economic dungeon*, we can take a second to ask “how did we get here in the first place?”

А следующая метафора является примером неосторожного обращения с метафорическим языком:

Bush: “I think what we need is a *route-map* to bring the economy back, so that people feel more secure about their jobs, about their homes, about the prospects for the future”.

Парадокс этого высказывания в том, что, декларируя свое радение о безопасности и спокойствии населения, автор не учитывает когнитивных ассоциаций выражения *route-map*. В процессе декодирования этой метафоры восстанавливается конвенциональная цепочка связей: незнакомая местность - отсутствие карты - заблудились - паника. Поэтому прямой смысл «план действия» при наложении такого сценария получает незапланированное и нежелательное коннотативное «сопровождение» - ощущение растерянности, близкое к панике.

Также рассматриваемая модель представлена эмоционально-насыщенными метафорами манипулятивного характера, формирующими у аудитории резко негативное отношение к действиям правительства. Именно такие функции - номинативно-оценочную и побудительную - выполняют социоморфная метафора *loot the public purse* и артефактная метафора *shovel money*:

“The Treasury Department has received an authorization to further *loot the public purse* and *shovel money* into those institutions which appeared complicit in the collapse”.

Таким образом, представляется абсолютно очевидным вывод о том, что использования языка, насыщенного подобного рода метафорами, провоцирует у получателей информации рефлекторно обусловленные реакции страха и беспокойства. Примечательно, что подобная языковая стратегия освещения финансового кризиса носит трансграничный характер. Исследующий проблему возникновения и распространения политики страха автор книги «Politics of Fear» Frank Furedi указывал на эту особенность современного мира:

“What is fascinating about the response to the economic crisis is the emergence of a genuine global language of fear. This is a threat that has captured the imagination of the public from Russia to China and from Australia and to Europe” [Furedi 2008].

Если говорить в терминах глобального осмысления современного финансового кризиса и его вербальной репрезентации, то приходится отметить, что мировое сообщество пока не имеет четкой концептуальной базы и терминологической ясности, что зачастую, как показывает практика, ведет к неспособности правительств вразумительно обосновать целесообразность тех или иных антикризисных мер:

“Language is important because it communicates the ideas which society attempts to make sense of its current predicament... At the moment, the failure of language is fostering a mood of passivity and fatalism” [Furedi 2008].

С этим мнением согласны и другие аналитики:

“In a financial crisis that has been fueled by an erosion of consumer confidence as much by the underlying credit and derivative problems that caused it, subtle differences in language are important” [De Baca 2008].

“The communicators haven’t clearly outlined who their audiences are, and then crafted the language to appeal to them. At the moment it sounds like the language designed for alienation all around” [Willcox 2008].

Но процесс концептуализации нового фрагмента мира под названием «финансовый кризис» (который уже получил сокращение GFC - global financial crisis), находится в самом начале, и мы будем с интересом наблюдать за тем, как в дальнейшем будет происходить его языковое закрепление.

Список использованной литературы

1. Арутюнова Н. Д. Теория метафоры. - М., 1990.
2. Карачина О. Е. Язык финансового кризиса (на материале английских неологизмов за 1990-2008 гг.) // Инновационные технологии в гуманитарных науках: язык, образование и культура: Сборник материалов первой научно-методической Интернет-конференции. - М., 2008. - Ч. 1.
3. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Отв. ред. Б. А. Серебrenников. - М.: Издательство ЛКИ, 2008. - Изд. 2-е.
4. Тарханова Т. В. Социокультурный аспект метафоры // Перевод и межкультурная коммуникация: Материалы V Международной научно-практической конференции. - Екатеринбург: Издательство АМБ, 2003. - Вып. 4 - С. 85-87.
5. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография. - Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003.
6. De Baca, Suzanna. In a Financial Crisis, Why Does Language Matter? - www.reed-elsevier.com
7. Furedi, Frank. How “Black September” will Redraw the Contours of Fear. - www.spiked-online.com
8. Furedi, Frank. The “Credit Crunch” And the Crisis of Meaning. - www.spiked-online.com
9. Lakoff, George. The Contemporary Theory of Metaphor // A. Ortony (ed.) Metaphor and Thought. - Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
10. Willcox, Jacquelynn. Communicating the Global Financial Crisis; a Case Study in Bad Language. - www.odwyerpr.com/blog

Список источников примеров

1. www.dailymail.co.uk
2. www.expertbusinessource.com
3. www.financialexpress.com
4. www.moneywise.org
5. www.news.bbc.co.uk
6. www.nytimes.com
7. www.reuters.com
8. www.shroomery.org
9. www.telegraph.co.uk
10. www.thisismoney.co.uk
11. www.washingtonpost.com

УРОВНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКИ КОРРЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ

Кленовая Н. В.

Магнитогорский государственный университет

Политическая корректность, явление, возникшее в США в конце 70-х - начале 80-х гг. XX века, вызывает все больший интерес как у зарубежных, так и у отечественных лингвистов, философов и культурологов. Подходы к анализу политической корректности различны: последняя трактуется как особая идеологическая реалья, языковое движение, культурно-поведенческая и языковая тенденция, языковая толерантность.

Политически корректные лексические единицы появляются двумя способами: либо с помощью изменения уже существующей лексики, либо с помощью создания совершенно новых терминов, опирающихся на принципы эвфемии. Эвфемизм возникает по ряду прагматических причин (вежливость, деликатность, шепетильность, благопристойность, стремление завуалировать негативную сущность отдельных явлений действительности) [Заботкина 1989].